

В школе он думал, что мир ограничивается лишь тем, что описано в учебниках, и что вся жестокость — это лишь отдельные фразы, упомянутые в них. Но когда он покинул свою башню из слоновой кости и отправился к границам, к тем диким землям, которые никогда не исследовал, но которые вызывали у него любопытство, то увиденное собственными глазами заставило его желудок сжаться, а голову закружиться.

Он вдруг понял, что это действительно место, которое должно быть уничтожено. Все люди, все обычаи, всё зло, дикость и первобытность — всё это не должно существовать.

Он не мог представить, что бы было, если бы он оказался на месте того солдата на помосте. Не мог представить, что бы случилось, если бы пять лет назад его двоюродный брат, одетый в военную форму, был бы схвачен. Не мог представить, как через много лет эта история превратится в строки, напечатанные в книгах.

Он был спокойнее, чем А-Янь, который уже паниковал настолько, что не мог думать. Но брат Цун тоже хотел бы быть таким же испуганным, как А-Янь, тогда бы он не позволил этим эмоциям усилиться под действием алкоголя и не стал бы безрассудно, невзирая на обстоятельства, позорить А-Да.

А-Да спустился с помоста только через час после начала празднества. Вместе с Вороном и Фазаном он вошёл в толпу, чтобы выпить с остальными.

После нескольких чашек он взял свою и направился к брату Цун, чтобы выпить с ним как старший брат.

Вино из Кушани было острым и крепким, и брат Цун уже чувствовал себя одурманенным после нескольких чашек, выпитых для успокоения. Он лишь видел, как А-Да приближается к нему, но не мог разобрать, что тот говорит.

А-Да схватил его, похлопал по ватной куртке, произнёс несколько слов, а затем поднёс чашку с вином к лицу брата Цун.

Тот покачал головой. Он не мог смотреть в лицо этому палачу. Он продолжал сопротивляться, сжав губы, не желая позволить А-Да приблизиться. Как он мог выпить эту чашку вина, предложенную А-Да? Если бы он согласился, это означало бы, что он празднует смерть того солдата вместе с ними.

Он не мог этого сделать. Он мог бы взять вино сам, но если его предлагал А-Да, он должен был отказаться.

А-Да крепко держал его руку, не позволяя уйти, и поднёс чашку к его губам. Ворон и Фазан тоже подошли, говоря что-то, словно пытаясь напомнить брату Цун о его месте.

А было ли у него место? Ах да, он всё ещё пленник. Он чуть не забыл об этом. Пленник должен делать всё, что ему прикажут, у него нет права или основания отказываться, даже если его заставят есть дерьмо, он должен поклониться и сделать это.

Если только он не хочет умереть.

Он взмахнул рукой и сбил чашку А-Да.

Брат Цун не мог сказать, сделал ли он это случайно или намеренно, но в его груди скопились беспорядочные эмоции, которые душили его, не давая дышать и говорить, поэтому он просто

махнул рукой.

Вино пролилось на А-Да, а фарфоровая чашка с грохотом разбилась о землю.

Несколько человек, стоявших вокруг А-Да, замерли, и на мгновение воцарилась тишина. В следующее мгновение А-Да схватил брата Цун за шею, а другой рукой сжал кулак. Его сила была такова, что он почти поднял брата Цун с земли и уже собирался ударить его в лицо.

Увидев это, А-Янь крикнул и бросился защищать брата Цун, но внезапно был схвачен Вороном, который поднял его руку и отбросил, заставив упасть.

Брат Цун перестал сопротивляться. Он чувствовал, что действительно заслуживает удара. С силой А-Да одного удара хватило бы, чтобы вырубить его, и тогда ему бы не пришлось больше думать.

А если бы А-Да не ударил, это бы доказало, что он сам был одним из этих людей Кушань. Он не хотел этого, он не признавал, не желал, не мог смириться.

Но А-Да не ударил. На его лбу явно проступили вены, а глаза были наполнены ужасающими кровяными прожилками, полными убийственного гнева, но он всё же разжал кулак и отпустил шею брата Цун.

Он отступил на два шага и молча смотрел на брата Цун.

Через мгновение он неглубоко вдохнул, поправил ватную куртку брата Цун и на общем языке серьёзно произнёс:

— Ты слишком много выпил, я понял.

Затем он махнул рукой, чтобы все, кто стоял вокруг, разошлись.

Но, похоже, этой ночи суждено было быть беспокойной. Именно в эту ночь брат Цун запутался в своих суждениях об А-Да.

Люди из деревни Наньгоу пришли глубокой ночью. К тому времени брат Цун уже немного протрезвел, а его двоюродный брат нашёл возможность подойти и дать ему что-то отрезвляющее, чтобы прояснить его разум.

— Ты можешь не устраивать проблемы? Ты вообще понимаешь, как трудно было сохранить тебе жизнь?

Двоюродный брат окончательно снял соломенную шляпу, отвёл брата Цун в угол и тихо отчитал его.

— Я не знаю, кто ты, — с обидой сказал брат Цун.

Он одним глотком выпил эту горькую жидкость, от которой его лицо исказилось, и, несколько раз кашлянув, ответил:

— Ты, блядь, Фазан или тот брат, которого я знаю? Если ты Фазан, мне нечего сказать, но если ты действительно мой брат, то у тебя нет лица, чтобы вернуться и встретиться с земляками!

Эти слова, похоже, задели двоюродного брата. Он рыкнул и выругался:

— Какого хрена у меня нет лица?!

Но этот крик был слишком громким, поэтому он поспешил оттащить брата Цун в тень и снова понизил голос:

— Ты, щенок, ничего не понимаешь, и не думай, что ты крут, потому что сбил чашку А-Да. Ты вообще понимаешь, кто ты? Если бы не твой статус названного младшего брата, он бы в мгновение ока отрубил тебе голову!

— Боишься меча? Тогда зачем тебе вообще быть солдатом?

Честно говоря, брат Цун действительно чувствовал, что он был крут в тот момент, по крайней мере, круче этого труса.

— Да, ты боишься, поэтому ты так боишься, что даже не можешь сказать им, что ты тоже был солдатом.

Услышав это, лицо двоюродного брата застыло.

Он стиснул зубы, глядя на лицо брата Цун, но ничего не ответил.

Брат Цун снова поднёс чашку ко рту и выпил. Это лекарство действительно действовало, после него кишки скручивались от горечи, не говоря уже о том, чтобы опьянеть. Он даже не знал, что за хрень может быть настолько горькой. Брат Цун откашлялся, выплюнул мокроту и вернул пустую чашку двоюродному брату.

Тот взял чашку, хотел уже оставить брата Цун одного, но, пройдя несколько шагов, вернулся, долго рылся в карманах и достал полупустую пачку сигарет.

Брат Цун не взял, тогда двоюродный брат зажжёт одну, затянулся пару раз и протянул её.

Во рту у брата Цун было так чертовски горько, что даже запах табака казался сладким, поэтому он, с неохотой, взял сигарету и тоже затянулся пару раз.

— Они спасли меня, — сказал двоюродный брат, не обращая внимания, слушает ли его брат Цун, и тихо пробормотал:

— Не всё так, как ты думаешь. А-Да — хороший человек, если бы не он, я бы давно умер.

Брат Цун усмехнулся и фыркнул:

— Он только что убил солдата. Ты бы осмелился выйти и сказать, что ты тоже солдат? Если бы ты сказал, я бы уважал тебя как мужчину.

— Это не одно и то же.

— Как это не одно и то же?

— В деревне тоже убили много людей, ты этого не видел.

— Если бы они просто сдались, разве пришлось бы братья за оружие?

— Некоторые вещи трудно объяснить, — двоюродный брат вздохнул и покачал головой. — Не объяснишь.

— Ты не можешь объяснить или просто не хочешь? Ты сбежал в эту долину, потому что ты неправ. Ты говоришь, что у тебя есть лицо, но какого чёрта ты тогда не—

Брат Цун хотел продолжить, но не успел закончить, как у костра раздались крики, и внезапно группа деревенских жителей собралась вместе, словно произошёл какой-то конфликт.

Двоюродный брат на мгновение замер, его лицо изменилось, и он бросился в толпу.

Брат Цун тоже пошёл вперёд, но, подойдя к краю толпы, понял, что некоторыми зрелищами лучше не наслаждаться, иначе можно случайно попасть в беду.

Пришли люди из деревни Наньгоу, их лидер, который несколько дней назад дрался с А-Да.

Лидер Южного поселения тоже был ранен, он опирался на трость, а его лицо было красным от выпитого. Он кричал, чтобы А-Да вышел, и требовал, чтобы тот отдал двух пленников.

Услышав это, брат Цун сразу же отступил. Но он уже не успел, так как взгляд лидера Южного поселения повернулся и точно остановился на нём.

Кто-то толкнул его, и брат Цун споткнулся, упав в толпу.

В этот момент подошёл и А-Да. Он раздвинул деревенских жителей и встал перед людьми из Южного поселения. Он ещё не успел заговорить, как Ворон встал между А-Да и Южным поселением.

— Что ты делаешь?

Он вытащил изогнутую саблю из-за пояса.

Как только Ворон вытащил саблю, десяток людей из Южного поселения тоже обнажили свои клинки.

А-Да быстро остановил Ворона, приказал ему опустить саблю и крикнул пару раз, чтобы тот не вёл себя непочтительно. Затем он повернулся к лидеру Южного поселения:

— Вы пришли выпить, а у нас ещё много вина, так что давайте сядем и выпьем вместе.

Сказав это, он слегка толкнул брата Цун, давая понять, что тому лучше отойти.

|

<http://bllate.org/book/16300/1470121>